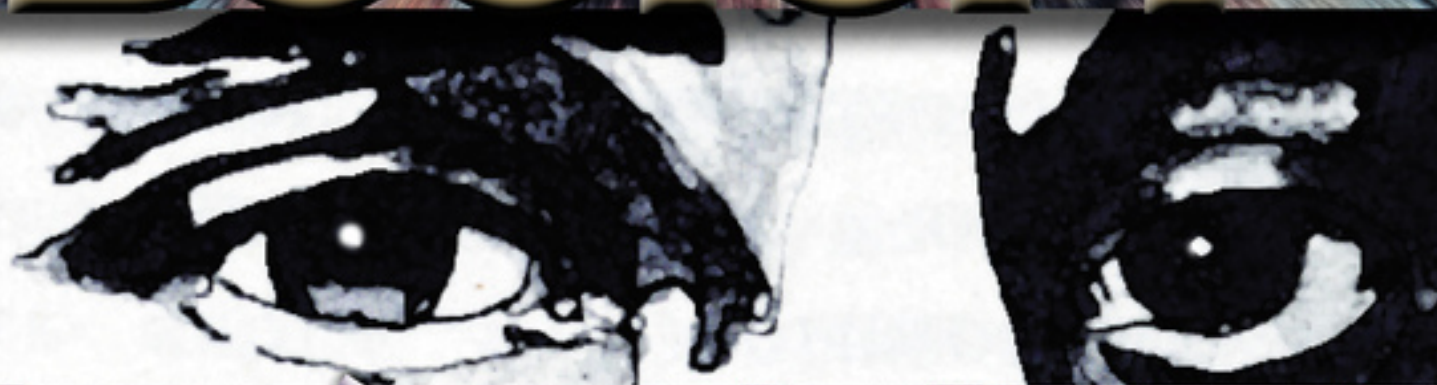

Виктор
СЛИПЕНЧУК

ВОСТОК

И ГОРЕЧЬ

Виктор Слипенчук

Восторг и горечь (сборник)

«ЗИНЗИВЕР-2000»

Слипенчук В. Т.

Восторг и горечь (сборник) / В. Т. Слипенчук —
«ЗИНЗИВЕР-2000»,

«Восторг и горечь» – пятый публицистический сборник Виктора Слипенчука. В нём, как и в предыдущих сборниках, автор делится своим взглядом на окружающую нас жизнь.

© Слипенчук В. Т.
© ЗИНЗИВЕР-2000

Содержание

Меж земных далей и астральных пространств	6
Миссия человека – утверждение гармонии	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Слипенчук

Восторг и горечь

©Слипенчук В.Т., 2011

©ЗАО «СВР – Медиапроекты», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Меж земных далей и астральных пространств

Виктор Трифонович Слипенчук человек удивительный...

Он из тех, кого ещё интересует внутренний мир человека, его самоощущения. Такие качества русского писателя на сегодня большая редкость – новых инженеров человеческих душ больше интересуют внешние эффекты, мрачные фантазии или фантасмагории, пародирующие действительность. Такого «контента» хватает вокруг и без чтения книг. А вот классическое, добротное и профессиональное мастерство отображения на бумаге своей души и внутренней жизни своих героев, свойственное Виктору Трифоновичу, – требует особого внимания и прочтения. Оно даёт пользу не только уму, но и сердцу.

В то же время ему самому близок внутренний мир великих поэтов и писателей других эпох. Он нутром чувствует всю глубину личности Сергея Есенина и отвергает даже намеки на то, что лишь алкоголизм был источником его бурной поэтической фантазии. Как видно, лично зная, что на пьяную голову шедевра не создашь, он даже в каллиграфическом почерке великого поэта видит его чистоту. Видит, что его вдохновение возникало не после того, как он «с бандитами жарил спирт», а было с ним всегда. Это его и сожгло изнутри...

Когда разговариваешь с Виктором Трифоновичем о совершенно далёких от писательского труда вещах, не покидает ощущение, что он постоянно терзается какими-то своими внутренними переживаниями. Быть может, это – постоянный поиск удачной рифмы, перебор десятков вариантов заголовка нового стихотворения или эссе... В хорошем смысле слова – он ведёт двойную жизнь, когда писательская работа идёт параллельно с домашним бытом и мирской суетой. Нужно поговорить с женой, детьми или друзьями. Наконец, просто выспаться. Но душа писателя «свербит» даже во сне. Знаю это по себе – когда не могу заснуть, обдумываю свою передовицу в газете, которая должна выйти в завтрашнем номере, а ещё и не знаешь – о чём она будет.

У писателя этот процесс перерывов не имеет, в отличие от нас, журналистов. Быть может, от этого на его лице постоянно отражается некий внутренний интеллектуальный процесс, который должен быть выплеснут когда-то на страницы. Такая игра ума интересна не только на Родине. Его книги вышли и в Японии, и в Китае – тех странах, где интеллектуальная часть населения постоянно находится в поисках Истины.

Неслучайно любимый учёный Виктора Слипенчука – астроном Николай Козырев. Он дал миру уверенность в физической связи времён – прошлого-будущего и настоящего. Писателю остаётся лишь видеть это в своих ощущениях, толкать физические процессы силой воображения. И тем самым приближать фантастический мир будущего. С его новыми энергиями, с его всепоглощающей гармонией. А в то, что она грядёт и готовит свой приход в наш мир, он не сомневается. Надо лишь начать с того, чтобы привести в гармонию со временем окружающую нас природу и неодушевлённый мир – мыслей, чувств, моральных констант...

Писатель верит в это душой, но понимает, что наступит это время не скоро. Сегодня движущей силой общественных процессов является купля и продажа всего и всех. Но это лишь нижний изгиб волны синусоиды. Её подъём неизбежен. Как неизбежны были плач по товарищу Сталину после его смерти (в рассказе с аналогичными словами в заголовке) и последующая хрущёвская оттепель – со слезами счастья и избавления.

Впрочем, проза и поэзия Виктора Слипенчука – это не только отображение жизненного пути и его осмысление. Сегодня он внимательно изучает Всемирную паутину, её роль и становление, накопление всемирного интеллекта. Осмысливает ничтожность власть предержащих, тысячелетиями хранивших свои тайны, а сегодня оказавшихся голыми перед толпой благодаря загадочному появлению WikiLeaks.

Иногда в очерках Виктора Трифоновича сквозит недоумение и боль за то, что мы, русские, творим сами с собой. Кем мы стали в собственной стране и что нас ждёт? В очерке «Торт “негатив”», навеянном, похоже, событиями на Манежке в зимней Москве, чувствуется некая перекличка с одним из спорных философических писем Петра Чаадаева. Как известно, за нелестный анализ русских как нации его объявили сумасшедшим. Но почему сегодня, спустя более 150 лет, те же нотки недоумения по поводу нашего русского нутра выходят из-под пера современного писателя? Выходит, что-то и в самом деле не так в «датском королевстве» – причём довольно давно.

...Мысли, мысли, мысли... Они нанизываются одна на другую в произведениях Виктора Слипенчука, цепляются зубцом за зубец сообщающихся шестерёнок его мудрого повествования. За семь десятков лет прожитой им жизни в его памяти остались люди и стройки, работа и смех, любовь и счастье видеть живыми и здоровыми своих детей и внуков.

Всё это – события и люди – стали той питательной средой, откуда он черпает силы для новых сюжетов, стихотворений, эссе.

Но у Виктора Трифоновича есть, очевидно, и другое – чувство предвидения и возможность заглянуть в информационные, астральные пространства, где отражается будущее.

О том, какое оно, писатель напоминает нам постоянно: оно прекрасно!

Андрей УГЛАНОВ

Миссия человека – утверждение гармонии

Интервью Виктора Слипенчука газете «Вечерняя Москва»

*Мне суть вещей открылась неожиданно
И стала частью моего сознания.
Под микроскопом в капельке обыденной
Вдруг отразились свойства мироздания.*

1. – ВИКТОР Трифонович, многим кажется, что у писателя безоблачная жизнь, нет начальников, свободный график работы. Так ли это?

– Да, это так. Нет начальников, свободный график работы. Но то, что жизнь его безоблачна, так это вряд ли. И прежде всего потому, что суть работы, если ты пишешь повесть или роман, требует и графика, и начальника. На улице весна, солнце пригрело, на деревьях листочки проклюнулись, птички поют, а в твоей повести или романе – зимняя стужа, буран, позёмка.

Ежедневным трудом поддерживается необходимый настрой, аура, в которой пребываешь и которая незримо переливается в твоё произведение. Сколько раз бывало, читаешь чей-нибудь роман или повесть и вдруг чувствуешь – автор любит поесть. В произведении нет ни слова о еде, а ощущение присутствует. Иногда это на пользу произведению, но чаще во вред. Автор прервался и помимо воли привнёс в произведение свою ненужную самость.

Чем больше, и не отрываясь, работаешь, тем легче сохранять в себе то особое необходимое состояние души, которое соответствует произведению, – с ним легче писать. И для этого нужен и график, и начальник. И хорошо, если ты их сам установил. Такой вот – волевой, непробиваемый человек. Жена просит в магазин сходить, детей из садика забрать, а ты весь из себя – писатель. Не могу! Я – в ауре, в особом настрое, не трогайте меня! Раз два ещё сойдёт с рук, а на третий – придётся идти.

А ещё бывают внезапные визиты родственников или друзей. Да мало ли чего бывает, что, как говорится, не обойдёшь и не объедешь?! Это я говорил о романистах и повестистах.

А у поэтов или мастеров короткого рассказа ещё хуже. Стихи и короткие рассказы не пишутся каждый день. Здесь как раз тот случай, когда обольщающий вариант (нет ни графиков, ни начальников) доведён, так сказать, до абсолюта. Ни графики, ни начальники для поэта просто невозможны.

Прозаик изо дня в день хотя бы сидит, корпит над своим романом, в конце концов, это заметно. Пишет и рвёт, пишет и рвёт – что-то большее знает.

А эти ходят, слоняются без дела и оттого якобы и пьют. Ерунда это всё, но в пример приводят Есенина. Дескать, пьяница, стихи писал в пьяном состоянии. Есенин не нуждается в защите и всё же. Не от нечего делать он пил. Да и во многом его беспроектное пьянство – это не более чем миф. Раскройте собрание сочинений Сергея Александровича, посмотрите на стихи, написанные его рукой, и увидите, как чисто, ровно, каллиграфически отчётливо написаны его стихи. Если это написано на пьяную голову, то берусь утверждать, что далеко не каждый из нас напишет так хорошо и на трезвую. Убеждён, и есть тому свидетельства, что после всякого, даже самого отчаянного застолья он вставал на рассвете и успевал написать новые стихи, которые и читал проснувшимся сотоварищам. Весь смысл его жизни, вся его самость стали состоянием души. Он жил стихами, и стихи жили в нём, но в пьяном виде он их не писал никогда.

Повторюсь – стихи и короткие рассказы не пишутся каждый день. У Александра Блока по датированию стихов видим, что у него бывали такие взлёты вдохновения, когда он писал в

день по пять-шесть стихотворений. А потом недели, даже месяцы молчал. Он-то и из жизни ушёл, что перестал слышать музыку стихов.

Понятие – **не пишется** — не так безобидно, как кажется на первый взгляд. Особенно оно впечатляет в сочетании с главной заповедью поэта: если можешь не писать – не пиши, и без тебя графоманов хватает. Легко сказать – не пиши, а ты, к примеру, закончил Литинститут, уже зарекомендовал себя мастером короткого рассказа, имеешь сборник стихов – не пиши?! Тут больше приходится думать о том, как поддерживать в себе то особое творческое состояние, чтобы писать. И тут – глухая стена. Как поддерживать его – никто не знает. Расщепили атом, вышли в космос, расшифровали геном человека, а тут?! А тут у каждого состояние (вдохновение) поддерживается по-своему, сугубо индивидуально. Все открытия, включая расшифровку генома человека, стали возможны в результате вдохновенного труда. Но как поддерживать вдохновение? Кто-то начинает злоупотреблять спиртным, кто-то – кофе, а кто-то безжалостно много курит. Но это – пустое, всё это только ускоряет творческий закат.

Я знал людей, которые за всю свою жизнь не написали ни одного стихотворения, а по состоянию души, по восприятию окружающего мира родились поэтами. Выходит, если ты родился поэтом, то нет надобности тревожиться об особом состоянии. Оно в тебе. Но писатель такой же, как и все, человек. Начинаются сомнения, метания и страдания. А тут ещё главная заповедь. И поэт бросает писать стихи и начинает их вынашивать. Вынашивать потому, что они в нём, и они никуда не уходят. Он вынашивает их из-за необходимости – плод должен созреть. Вот тут-то и происходит главный разлад, родные люди начинают полагать, что ты слоняешься и ничего не делаешь. Но именно сейчас происходит самая главная, пусть медленная, но настоящему поэтической работа – созревание стихотворения. Отбор точного слова и по размеру, и по содержанию, и по рифме. Помните у Маяковского? «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Теперь поэт всегда в работе, даже когда спит. Матрос на судне в лучшем положении, он, хотя бы засыпая, уходит с работы, а вернётся – лишь с подъёмом. А поэт уходит с работы, когда обрывается жизнь.

Словом, жизнь литератора безоблачной не назовёшь. Впрочем, как и жизнь любого творческого человека, вынужденного во главу угла ставить требования работы.

2. – Вы были журналистом, моряком, рыбоводом, геологоразведчиком – какая из профессий оставила на вас наибольший отпечаток?

– Вообще-то я ещё служил в армии, работал зоотехником по овцеводству, кстати, моя первая книга была опубликована в соавторстве с директором Краевой госплемстанции и называлась «Бараны-производители Алтайского края». Я уже тогда жил жизнью писателя, и алтайские поэты сердились на меня, что я, их собрат, издал книгу с таким хлестким названием. Книга имела успех в научных кругах. Директор Института цитологии и генетики академик Беляев заметил её, приглашал меня к себе в аспирантуру. У него в институте был единственный в Сибири электронный микроскоп, из-за которого (соблазн новой прогрессивной науки) я чуть не стал генетиком.

Семь лет работал зоотехником. А до этого – слесарем-сборщиком на Алтайском тракторном заводе. Последнее место работы – плотник-бетонщик Алтайской Всесоюзной комсомольской стройки Коксохим. Чуть больше пяти лет проработал, и всё же никогда я не был ни зоотехником, ни журналистом, ни строителем. Всюду чувствовал, что главная моя суть – писательство. Если чувствовал, что работа затягивает, на меня начинают рассчитывать как на профессионала, как в УАМРе, Управлении активного морского рыболовства, срочно увольнялся. Четыре года морей – по живому приходилось резать. Везде, где работал, что-то написал. Единственная тема, которая осталась в стороне, – работа зоотехником. О ней ничего не написал, но она помогла становлению сразу после института. Выходит, что работа зоотехником оставила на мне самый большой отпечаток.

3. – Расскажите, с чего начался ваш путь в литературу?

– По большому счёту никакого пути не было. Я с детства знал, что стану писателем. В школе придумывал в стихотворной форме эпиграфы к своим сочинениям. За счёт этого вместо тройки иногда получал четвёрку. В детстве я очень много читал. То есть так много, что это не только бросалось в глаза, а, скажем так, их мозолило.

Родом я из крестьянской семьи, вся моя школьная жизнь проходила в селе Черниговка Приморского края (200 км от Владивостока), и в соответствии с возрастом я пас вначале гусей, потом – овец, потом – телят, потом – коров. Чтение книг в поле никого не тревожило, никто чтения не замечал. Не замечал и мечтаний над захватывающими воображение страницами. А вот зимой, как я уже говорил, это настолько мозолило глаза, что у меня стали отнимать книги.

Нас, сестёр и братьев, было семь человек – я самый младший. Мама ругала меня, пугала, что дураком стану от чтения книг. Сейчас, вспоминая, думаю, что сам давал повод таким страхам.

Бывало, спрячусь на сеновале, в огороде, меня кличут-кличут, а меня нет, я весь в книге. Начинают искать. Очнусь, ошалело выскочу из укрытия – ну дурак дураком. Ничего не понимаю – я всё ещё там, в книге. И тут уже начинался скандал, как говорится, по полной программе.

Помню, приехала сестра Оля из Хабаровска на каникулы, она училась в пединституте на учителя географии. Родители смотрели на неё с гордостью и ужасом (её педагогические замашки иногда ставили их в тупик). Заходит Оля, а скандал в разгаре. На итоговом школьном родительском собрании маме сказали, что я читаю книги даже на уроках – сквозь щель в парте. Делаю вид, будто думаю, а на самом деле снизу поддерживаю книгу рукой – и читаю.

Оля не сразу подавала голос (в пылу скандала её не заметили), вникла в суть предмета и с безапелляционностью будущего директора школы встала на мою защиту. Если бы министр Фурсенко слышал её речь, то вряд ли бы обрадовался. А я был в восторге. Оля была сторонницей чтения классиков литературы и в школе, и дома, и везде – пусть читает. Классики русской литературы – это серое вещество нации. Допустим даже, что от чтения книг он станет дураком. Неужели наша большая дружная семья не прокормит одного дурака? Её резоны поставили родителей в тупик, они были настолько неоспоримыми, что от меня отстали.

Теперь я читал вволю. Записался в Черниговскую районную библиотеку. Вначале мне, как новичку, разрешали брать книги охапками (я жил на станции Мучная, достаточно далеко от библиотеки), но потом вдруг урезали лимит до одной книги.

Дело было в пятом классе. Меня решили проверить – действительно ли я читаю? Как-то дают книгу и спрашивают – читал? Отвечаю – читал. А эту, а эту?.. Как сейчас помню, наконец, подают книгу в красной обложке – «Декамерон» (авторов тогда не запоминал – потом узнал, что автор Джованни Боккаччо). А эту читал? Нет, не читал. Через три дня возвращаю книгу новелл Боккаччо, и тут меня начинают проверять, как я, так сказать, усвоил внеклассное чтение.

У меня память была тогда, конечно, хуже, чем у моей сестры Раи – она с первого прочтения почти без запинок схватывала наизусть две-три страницы любого текста. Но всё-таки достаточной, чтобы удивить библиотекарей подробностями прочитанного. Они спрашивают: о чём такая-то новелла в разделе «День шестой»? А там повествуется о хитрой жене, которая в отсутствие мужа развлекалась с рыцарем, пряча в другой комнате юношу. А когда неожиданно возвратился муж, то она и его ловко обвела вокруг пальца.

Меня остановили, мол, ладно-ладно – хватит, и, наугад раскрыв книгу, потребовали рассказать содержание другой новеллы. В которой молодая монахиня наткнулась на спящего юношу-пастуха, которому ветер, закатив холщовую рубаху, обнажил мужское достоинство. Тут

я припомнил подробности, с каким интересом, присев на корточки, монахиня рассматривала то, что ей не полагалось рассматривать по самому статусу монахини.

Здесь меня достаточно резко остановили и неожиданно для меня пригрозили сообщить в школу о моей внеклассной начитанности.

Уже в настоящее время, встретившись с сотрудницами черниговской библиотеки (естественно, другие имена и времена), рассказал, как меня когда-то проверяли «Декамероном». Вместе посмеялись, а тогда был потрясён – библиотекари взялись проверять меня, а сами ничего не читали. Это было для меня каким-то страшным откровением. Именно этим объяснил причину их внезапного негодования. Видит бог, другие причины тогда были мне неизвестны.

Я с детства знал, что стану писателем. Наверное, эта уверенность исподволь накапливалась. Для меня было неразделимым: писатель и дальние острова, писатель и захватывающее путешествие, писатель и рыцарский подвиг, писатель и служение добру и справедливости. Писатель воплощал для меня всё лучшее в человеке, и я хотел, да и сейчас хочу, стать настоящим писателем. Об этом я когда-то написал в рассказе «Сладкое шампанское». И это чувство – быть настоящим – никуда не ушло, оно со мной. Именно с этого чувства и начинается писатель, во всяком случае в моём понимании. Потому что в моём понимании *настоящий* — это непременно хороший человек. Думаю, что начало писателя есть начало в тебе человека. Как человек в тебе требует постоянного своего подтверждения в добрых поступках, так и писатель должен подтверждаться в своих произведениях. Как бы там ни было, а именно настоящий писатель оставляет в своих произведениях лучшую часть своей души.

4. – Если бы вам пришлось назвать одно качество, которое необходимо писателю?

– Отвечая на предыдущий вопрос, как мне кажется, невольно ответил и на этот – быть человеком. Всегда во всех жизненных ситуациях. В 2007 году у меня вышла книга «Смеющийся пупсик» на русском и японском языках. Очень удобно издавать книги совместно с японцами. Мы пишем слева направо, а они – справа налево. При совместном издании четвёртая сторона обложки отсутствует, книги получаются двухсторонними.

После презентации был фуршет, напротив меня сел японец, который, извинившись, что ему не удалось задать свой вопрос на презентации, спросил: какое одно качество, которое всегда необходимо писателю? То есть он задал вопрос, идентичный вашему. Не скажу, что японец со своим вопросом был оригинален. В советские времена на встречах с читателями мне доводилось отвечать на него. Обычно его задавали первокурсники педагогических институтов. Объясняя вопрос простым желанием знать – есть ли у них в характере главное качество писателя? А вдруг кто-нибудь из них захочет стать писателем?

Я так же, как и прежде, и так же, как и сейчас вам, ответил японцу, что главным качеством писателя считаю чувство, именно чувство, а не понятие – всегда быть человеком. Японец попросил разъяснить, что вкладываю в чувство – всегда быть человеком. И тогда сообщил ему то, что давно известно из Библии, но не с насмешкой над Писанием, как заучивали в школе (если тебя ударили по правой щеке – подставь левую), а в соответствии с библейским пониманием сути человека. В котором *быть человеком* – это всегда следовать своему высокому чувству.

Если какой-то бесчестный человек, преступник, напал на вас с целью ограбления и, ограбив, не убил вас только потому, что его спугнули дружинники, которые погнались за ним, чтобы беспощадно наказать его. Естественно, что вы как жертва всей душой на стороне дружинников. Вы вместе с ними гоните разбойника, и вот вы загнали его – сейчас начнётся расправа. Уверен, что писатель как человек в высоком смысле этого слова теперь должен быть на стороне гонимого преступника, потому что теперь он, преступник, превратился в жертву.

Писателю необходимо остановить дружинников, уже не ради загнанного преступника, а ради их самих. Потому что теперь он – жертва и, расправившись с ним, они превратятся в него, в преступника, утратившего в себе человеческое.

Японец кивнул мне в ответ, а потом, когда расставались, сказал, что распорядился купить сто экземпляров моей книги для размещения в библиотеках на острове Хоккайдо – он оттуда родом.

Позже поинтересовался у Миши, своего сына, – кто этот японец? Сын сказал, что он один из богатейших людей Японии – предприниматель. Не думаю, чтобы богатейший и успешный предприниматель вдруг возжелал стать писателем. Впрочем, это уже другая тема.

5. – В ваших книгах много очень точных наблюдений над человеческой породой. Не разочаровались в людях, изучая и познавая их натуру?

– В основе точности наблюдений лежит весьма выгодное расположение объекта наблюдения. У любого писателя основным объектом наблюдения является он сам. Так что всякое разочарование и очарование исходит прежде всего от него самого. И тут надо признать, что в себе и в своей натуре, увы, приходилось – разочаровывался, и не раз.

Именно в натуре. Порода – это слово оценочного свойства из лексикона о разведении животных. А человек – это что-то особенное, ныне учёными даже троглодиту отказано в праве считаться древним человеком – не тянет на нашего предка своими чересчур животными формами.

Наблюдая за собой (между прочим, каждый человек наблюдает, приводя своё поведение в соответствие с окружающей средой), пришёл к выводу, что моё, скажем так, писательство зачастую являлось причиной моего неадекватного поведения. А в человеке всё должно быть гармоничным. Даже его риски должны объясняться стремлением к гармонии.

Скажу откровенно, я не сторонник экстремальных ситуаций, для меня сейчас главными атрибутами романтики являются хорошая книга, торшер, диван-кровать и уверенность, что я в любое время могу сесть за компьютер и войти в Интернет.

Но если бы вы увидели меня на судне, или на стройке Алтайского Коксохима, или журналистом Барнаульской студии телевидения, то первое, что пришло бы на ум, – этот парень ищет приключений на свою голову. И вы бы не ошиблись.

Глубокой ночью я вылез через иллюминатор и по канату приблизился к самой воде. Вода у борта шипела и, причмокивая, так отчётливо клокотала, что казалось, это бормочет само судно, мчащееся на всех парах. Морозящий дождь, беспросветная тьма океана, и всё это только затем, чтобы ощутить, что в действительности чувствовал Мартин Иден Джека Лондона, когда решил свести счёты с жизнью.

А прыжок к акулам, дремлющим в верхних слоях воды возле бота, на котором перевозили тралы с сухогруза «Остров Лисянского». Кажется, в повести «Огонь молчания» я даю оценку человеку, который в погоне за фабулой рассказа рискует жизнью. Это неудовлетворительная оценка.

Виктор Петрович Астафьев в одном из своих выступлений в Новгороде, на Празднике славянской письменности и культуры в 1988 году, высказал убеждение, что человек как индивидуум занял на Земле не своё место. Земля, такая красивая и безопасная, предполагалась для какого-то другого мирного и разумного существа. Но откуда-то появился человек и заступил этому мирному существу дорогу. То есть уничтожил его и занял место, ему не принадлежащее.

Можно, конечно, думать и так, но ещё Альберт Эйнштейн говорил, что Вселенная сотворена весьма разумно, и подтверждение её разумности находил в гармонии. Сегодня часто можно слышать, что всё стремится к хаосу. Нет – всё стремится к гармонии, к равновесию. И человек призван в мир, чтобы помогать гармонии утверждаться всюду, – это миссия человека.

Мы живём накануне открытия новых энергий. Энергий фантастических, и человечество на интуитивном уровне уже перестраивается. Я всё больше и больше склоняюсь к мысли, что человек (человечество) вспоминает себя. Всё, что с нами происходит, – уже было. Посмотрите, как легко мы освоили телевизор, мобильник, компьютер. Величайший учёный всех времён и народов (да, это так), русский астроном Николай Александрович Козырев эмпирически доказал, что время обладает физическими свойствами, и указал путь, как подключаться к информационному полю Земли.

Мы всё больше и больше приближаемся к пониманию, что Земля, а возможно, и Солнце – суть живые объекты. Человек, созданный Богом по своему подобию, является в некотором роде своеобразной частичкой Бога (неким бозоном Хиггса) для массы разума, так сказать, всего одушевлённого мира.

Я верю в Бога – Бог не оставит нас. Наказывать, конечно, будет, потому что ненаказуемый не научается, но никогда не оставит. Мы – чада Божии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.